

УДК 9:94(4)

С. С. Ходячих

«МЕЖДУ ДВУМЯ УГЛОВЫМИ, ПРЯМО ЗА МОЕЙ СПИНОЙ, БЫЛИ УМЕРЩВЛЕНЫ ГАЗОМ ТРИ ТЫСЯЧИ ЧЕЛОВЕК»: ФУТБОЛ В КОНЦЛАГЕРЕ АУШВИЦ

45

ФК «Динамо-Москва», Москва, Россия

Поступила в редакцию 24.10.2024 г.

Принята к публикации 20.02.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-2-4

Для цитирования: Ходячих С.С. «Между двумя угловыми, прямо за моей спиной, были умерщвлены газом три тысячи человек»: футбол в концлагере Аушвиц // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №2. С. 45—60. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-2-4.

Анализируется феномен спортивной игры в футбол в немецком нацистском концентрационном лагере Аушвиц в период с 1940 по 1945 г. При этом Аушвиц был далеко не единственным концлагерем, где проводились футбольные матчи и даже целые турниры, свои чемпионаты были в Бухенвальде, Терезиенштадте, Гросс-Розене. Исследуется дуальность понятия «спорт» в интерпретации лагерной администрации: спортом нацисты считали не только состязания, но и физические издевательства над заключенными, что ряд исследователей называет «квазиспортом». Приводятся свидетельства выживших узников о футбольных матчах, устраиваемых эсэсовцами в Аушвице, в том числе подробно анализируется самая известная игра, состоявшаяся в 1944 г. между нацистами и членами зондеркоманды. В настоящей статье предпринимается попытка изучения различных аспектов игры в футбол в Аушвице на материале источников личного происхождения, ставится цель выявить максимальное количество свидетельств о проводимых в концлагере футбольных матчах, а также восстановить имена их участников. Исследование такой темы, как футбол в Аушвице, подтверждает, что даже в самых экстремальных условиях, когда жизнь стояла на грани уничтожения, существовало стремление к самовыражению и сохранению человеческой природы. Для узников футбол имел символическое значение — это была не только попытка уйти от жестокой реальности, но и своего рода убежище, пространство, где они могли, пусть и ненадолго, почувствовать себя свободными.

Ключевые слова: концентрационный лагерь Аушвиц, заключенные, нацизм, футбол, история спорта, история Германии, история Польши, Вторая мировая война

Строки, вынесенные в заголовок данной статьи, принадлежат польскому поэту и прозаику, бывшему узнику концлагерей Аушвиц и Дахау Тадеушу Боровскому, который в своих воспоминаниях оставил шо-

кирующие описания лагерной повседневности. В новелле «Люди, которые шли и шли» [8, р. 84] он рассказывает о том, как заключенные играли в футбол на фоне дымящихся труб крематориев, где каждый день умерщвлялись тысячи людей.

Заключенные, доведенные до физического и морального истощения, жили в нечеловеческих условиях и терпели постоянные унижения. Однако в этом мире перманентного зла, внутри первого круга концентрационного ада находился другой круг, в котором были стихи, музыка, литература и даже спорт, в частности футбол.

Крупнейшим немецким нацистским концлагерем и лагерем смерти был Аушвиц-Биркенау, расположенный в 60 км к западу от Кракова. За все время его существования — с 14 июня 1940 г. по 27 января 1945 г. — в Аушвице погибли более миллиона заключенных (по последним оценкам, около 1,3 млн [20, р. 204]), среди которых были известные спортсмены: боксеры, пловцы, легкоатлеты, лыжники, футболисты.

Именно футбол, наряду с боксом, вызывал у нацистов повышенный интерес. Немцы всегда считались большими ценителями футбола: играли сами и любили посмотреть за тем, как играют заключенные. С подачи рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, который видел в спорте дополнительный стимул хорошего труда узников, в концлагерях проводились внутренние чемпионаты по футболу и даже разыгрывались межлагерные турниры.

В этом нацисты преследовали свои цели. Прежде всего они стремились показать внешнему миру, что существовавший образ лагерей смерти, где ежедневно гибли тысячи людей, не соответствует действительности: ничего подобного нет и быть не может, а для заключенных созданы все необходимые условия для нормальной жизни во время войны. По этой причине они зачастую устраивали в концлагерях показательные футбольные матчи и приглашали на них представителей Международного Красного Креста, которым пытались наглядно продемонстрировать, как и чем живут узники [5, с. 21–22; 19, р. 243]. Апофеозом нацистской пропаганды стал псевдодокументальный фильм «Фюрер дарит евреям город», снятый в концлагере Терезиенштадт немецким режиссером Куртом Герроном, который прибыл туда в феврале 1944 г. в качестве заключенного и на протяжении месяца (с августа по сентябрь) руководил съемочным процессом.

Исследователи, занимающиеся изучением такого феномена, как спорт в концлагерях, неизбежно сталкиваются с источниковедческими трудностями, поскольку в их распоряжении имеются исключительно источники личного происхождения, а именно воспоминания бывших узников и их свидетельства против нацистских преступников, которые хранятся преимущественно в архивах бывших концлагерей. Также необходимо принимать во внимание тот факт, что спорт существовал в концлагерях нелегально и только с разрешения лагерной администрации, поэтому официальной документации (за исключением ряда концлагерей, где проводились футбольные турниры) не сохранилось. В последнее время большую работу в этом направлении делают представи-

тели искусства — кино и литературы. Появляются художественные фильмы и литературные произведения, где показывается досуг заключенных, в том числе спорт. Однако в большинстве случаев они лишь вводят зрителей и читателей в заблуждение, поскольку далеки от реальности и не соответствуют действительности [24].

Прежде чем подробно рассмотреть вопрос, связанный с игрой в футбол в Аушвице, необходимо четко определить, что именно понималось под спортом в немецких нацистских концентрационных лагерях и лагерях смерти.

Термин «спорт» в условиях концлагеря имел двоякое трактование. И если первое и основное понимание спорта как целенаправленной физической активности, совершаемой с целью соревнования, вопросов не вызывает, то другой концепт, искаженный и извращенный нацистами, был одним из способов унижения заключенных. Лагерная администрация считала, что такой «спорт», или «квазиспорт», одновременно помогал обеспечивать дисциплину и наказывать узников. Спортom в концлагерях эсэсовцы называли простые, но изнурительные упражнения, которые заключенные должны были выполнять на протяжении многих часов при любых погодных условиях. Кроме этого лагерная охрана и узники, приближенные к администрации, осыпали заключенных проклятиями, кричали, оскорбляли и смеялись, причем все это делалось исключительно на немецком языке. Подобный «спорт» унес жизни многих невинных людей. В большей степени пострадали те, кто не имел хотя бы малейшей физической подготовки и не занимался спортом до войны: в основном интеллигенция и пожилые люди. Все они были крайне истощены и находились в состоянии постоянного голода и жажды.

Поляк Людвик Бас, находившийся в Аушвице с августа 1940 г. по январь 1945 г., подробно рассказал о таком «спорте»: «В Аушвице в течение трех недель я занимался так называемым спортом, которым среди прочего руководил эсэовец по имени Плагге. В результате этого “спорта” обе мои ноги были полностью покрыты синяками и шрамами, в свете чего мне было назначено лечение в больнице... Евреи и священники особенно подвергались насилию во время этого “спорта”. Любимые упражнения Плагге включали в себя прыжки на корточках, бег, падение на землю, валяние на земле, поодиночке или парами, так называемую утиную походку, обмен ударами по лицу в положении на корточках, хождение по кругу вокруг столба в течение нескольких часов с поднятыми руками или нарезание кругов вокруг капо, который, стоя посередине, бил заключенных палкой без разбора... Зона “спорта” была покрыта острым гравием и шлаком, у всех заключенных сняли обувь, поэтому во время марширования и особенно бега у них болели ноги... Каждый день в результате этих упражнений погибала дюжина, иногда даже пара десятков заключенных» [36, s. 280–282]. Соотечественник Баса Станислав Корецкий, депортированный в Аушвиц самым первым транспортом 14 июня 1940 г., добавлял: «Многие заключенные не выдерживали этого “спорта”. После потери сознания их от-

носили “наверх”, в кустарный лазарет, откуда они уже не возвращались» [37, с. 319]. Разумеется, заниматься каким-либо реальным спортом в подобных условиях у заключенных желания не возникало.

В Аушвиц были заключены известные европейские футболисты, многие из них представляли национальные сборные своих стран. Узнав, что до войны вновь прибывшие узники профессионально играли в футбол, лагерная администрация создавала свои команды, в которые старалась набрать как можно больше опытных игроков. Впоследствии эсэсовцы бросали вызов коллегам из других концлагерей, а во время самих матчей делали ставки на крупные денежные суммы.

Вальтер Станоский Винтер, депортированный в Аушвиц в 1943 г., рассказывает, как один из эсэсовцев по фамилии Хартманн приказал ему собрать команду из представителей его нации — синти, тренировать ее и готовить к матчу против команды главного лагеря Аушвиц. В состав последней входили шесть бывших игроков сборной Польши, однако победа осталась за синти — 2:1. Несогласные с результатом матча эсэсовцы едва не устроили массовую драку и не перестреляли друг друга. Дело могло принять серьезный оборот, но обошлось без жертв. Спустя некоторое время состоялся еще один «ужасающий» матч, победу в котором, также со счетом 2:1, одержали представители лагеря Аушвиц I, поэтому конфликт был исчерпан. Вскоре футбольная команда синти была расформирована, но Винтер и другие заключенные, «когда было возможно, продолжили играть между собой, между блоками, стараясь быть незамеченными» [34, р. 54–56].

Принимая участие в подобных матчах, заключенные рисковали своей жизнью. Они целиком и полностью зависели от расположения «тренера», которым, как правило, был офицер СС. Если эсэсовцы считали, что футболист не до конца выкладывается на поле, не старается, или, еще хуже, «сдает» игру, то расстреливали такого игрока на месте. Или, наоборот, если играет слишком хорошо, что раздражало лагерную охрану. Так произошло с молодым и перспективным венгерским вратарем Ференцем Морошем, который осенью 1944 г. оказался на юго-западе Польши в рабочем лагере Хиршберг (филиал Гросс-Розена). По воспоминаниям очевидцев [22, р. 181–191], в матче венгерских евреев против эсэсовцев, который состоялся 29 октября 1944 г., главным героем встречи стал именно Морош, отразивший пенальти на последних минутах, чем вызвал бурные овации местной публики. Один из эсэсовцев затаил на него обиду и через несколько дней выстрелил в Мороша во время работы только за то, что он отошел в туалет без разрешения. Ференца Мороша отнесли в ревер, где он вскоре скончался [20, р. 749; 29, р. 167–169]. Подобная история произошла с поляками, обыгравшими «сборную Германии» со счетом 1:0. После матча лагерная охрана ворвалась в баню и принялась «с ожесточением бить палками всех находящихся там заключенных» лишь за то, что они победили на футбольном поле [5, с. 26].

Основными причинами быстрой усталости заключенных футболистов были недоедание и истощение. Валлиец Рон Джонс, находивший-

ся в лагере для британских военнопленных E715¹, вспоминал, что недостаточность питания приводила к низкой физической активности и высокой утомляемости узников, которых эсэсовцы принуждали к игре в футбол: «Мы быстро уставали. Думаю, поэтому каждый тайм длился по полчаса. Все дело в недоедании» [25].

По справедливому замечанию Джеймса Кейпла, футбол был «привилегией в Аушвице, доступной лишь немногим избранным», при этом «главными людьми на футбольном поле Аушвиц-Биркенау» являлись члены СС и охрана лагеря [10]. Играть в футбол эсэсовцы позволяли далеко не всем заключенным, а только лагерной «элите», к тому же у «подавляющего большинства узников на спорт просто не было сил» [3, с. 255]. Бывший узник Аушвица Херман Лангбейн вспоминал, что «только заключенные с лучшим питанием могли заниматься спортом» [18, р. 130]. Во второй половине 1943 г., с назначением оберштурмбанфюрера СС Артура Либехеншеля комендантом главного концлагеря Аушвиц, условия содержания заключенных улучшились. Чешский еврей Бертольд Эпштейн, находившийся в Аушвице с конца 1942 г. до 27 января 1945 г., в этой связи отмечал: «Наше положение значительно изменилось, причем в лучшую сторону. Была создана специальная палата для выздоравливающих, для заключенных проводились занятия лечебной физкультурой, лагерная дисциплина ослабла, и все это улучшало настроение узников» [35, с. 35].

Некоторые заключенные Аушвица в качестве поощрения и дополнительного стимула к труду все же получали возможность заниматься спортом в свободное время, обычно это был выходной день. По воскресеньям лагерная охрана зачастую организовывала футбольные матчи между командами узников [12, р. 60]. В качестве футбольного поля использовался аппельплац, где проводилась перекличка. Еще одним популярным местом была площадь рядом с крематорием.

Тадеуш Боровский, работавший в лагерной больнице, вспоминал, как заключенные готовили футбольное поле, расчищая под него пустырь за больничными бараками. По вечерам, после ужина «все, кому хотелось, выходили на поле и пинали мяч» [8, р. 83], а в воскресенье состоялся футбольный матч, собравший много зрителей из санитаров и пациентов больницы. Боровский был вратарем. В одном из игровых эпизодов мяч ушел за пределы поля, и Боровский побежал за ним к колючей проволоке. То, что он увидел дальше, потрясло его до глубины души и осталось в памяти на всю жизнь. Приведем это шокирующее описание целиком.

«Я потянулся за мячом и случайно посмотрел в сторону платформы. Только что прибыл состав. Из товарных вагонов выгружались люди и шли в сторону леса. Все, что я видел со своего места, были яркие всплески цвета. Казалось, что женщины были одеты в летние платья, впервые в этом сезоне. Мужчины шли без пиджаков, а их белые рубашки резко выделялись на фоне зелени деревьев. Шествие двигалось впе-

¹ Рабочее подразделение Шталага VIII-B, располагался в нескольких сотнях метров к западу от концлагеря Буна-Моновиц.

ред медленно, из вагонов к нему присоединялись все новые и новые люди. Затем они остановились. Люди сели на траву и посмотрели в нашу сторону. Я вернулся с мячом и бросил его обратно на поле. Мяч переходил от одного игрока к другому, пока, не описав широкую дугу, едва не влетел в ворота. Я выбил его на угловой. Он снова покатился по траве, и я опять побежал за ним. Но как только я наклонился, то остолбенел — платформа была пуста. Пестрой, по-летнему одетой толпы не было, ни единой души. Поезд тоже исчез. Бараки женского лагеря снова были на виду у всех, а санитары и пациенты стояли у колючей проволоки, приветствуя женщин, которые отвечали им с другой стороны платформы. Я вернулся с мячом и опять подал его на угловой. Между двумя угловыми, прямо за моей спиной, были умерщвлены газом три тысячи человек» [8, р. 83–84], — рассказывал в одной из своих новелл Боровский.

Для тех заключенных, кто мог играть, футбол был одним из немногих способов ухода от жестокой концлагерной реальности и возможностью погружения в нормальную, человеческую жизнь, пусть и ненадолго. Случай, описанный Тадеушем Боровским, уникален еще и потому, что этого самого «переключения» с ним не произошло: мир смерти постоянно сосуществовал с миром жизни, и даже во время матча узники думали о том, что кто-то в этот момент идет в газовую камеру. С другой стороны, как справедливо отмечает историк из Свободного университета Берлина Вероника Спрингманн, «воскресные футбольные матчи не только предоставляли заключенным собственное пространство внутри концентрационного лагеря, они также были территорией, где заключенные могли наглядно продемонстрировать свою физическую силу и форму с помощью спорта» [30, р. 188].

Мотивация заниматься спортом в концлагере и играть в футбол в частности у заключенных была разной. Все зависело от конечной цели, которую ставили перед собой узники. Большинство из них стремились выжить любой ценой, поэтому расценивало спорт как ненужную трату физических сил и предпочитало экономить энергию. Другая часть заключенных (их было меньшинство), главным образом пленные британские солдаты и офицеры, содержащиеся в соседних с Аушвицем лагерях для военнопленных, видели в футболе полезное времяпрепровождение, которое помогало бороться со скукой [11, р. 197–198]. Находились и такие узники, в основном из числа привилегированных и приближенных к лагерной администрации, для которых футбол был способом показать себя в глазах эссовцев и заработать дополнительную еду для поддержания более или менее приемлемой физической формы.

По воспоминаниям бывших заключенных, футбольные матчи проводились в главном лагере Аушвиц I уже весной 1941 г. [18, р. 130]. Польский историк культуры Ивона Куж отмечает, что в футбол в Аушвице I стали играть еще раньше — осенью 1940 г. [17, s. 80]. Позднее узники проводили свое свободное время за игрой в футбол и в других отделениях Аушвица, в том числе в Биркенау, где первое футбольное поле появилось в 1943 г. на территории мужского лагеря [24]. Однако

сведений об этих играх практически не сохранилось. Историк Николаус Вахсман упоминает о футбольном матче, который состоялся во второй половине дня 6 сентября 1942 г. (это было воскресенье) «на местном стадионе с гостями из Ораниенбурга», но подробностей не приводит [33, р. 372].

Польская исследовательница Рената Кошик отмечает, что история футбола в Аушвице I началась с матча, который состоялся в конце весны или летом 1941 г., когда на поле, где находился аппельплац, вышли условные сборные Польши и Германии [24]. «Польская сборная» состояла из профессиональных футболистов, до войны игравших в различных клубах первого и второго польского дивизионов. За Германию выступили немецкие капо, а также другие заключенные, занимавшие в лагере административные должности. По словам американского исследователя Кевина Симпсона, «немцы так отчаянно хотели конкурентный матч, что организовали дополнительное питание для голодающих заключенных, отобранных на эту игру» [29, р. 139–140]. За участие в матче эсэсовцы обещали не только хороший паек, но и сигареты, имевшие в концлагере большую ценность. Подготовка к встрече заняла не один день. Главная сложность состояла в том, чтобы найти подходящую обувь для поляков, которым разрешалось носить только деревянные башмаки. В результате немецкий капо по фамилии Гронке достал одиннадцать пар ботинок со шнурками для «польской сборной». По всей вероятности, раньше эта обувь принадлежала заключенным, отобранным в результате селекции сразу по прибытии в Аушвиц и отправленным в газовую камеру.

Матч прошел в одно из воскресений² и собрал большое число зрителей, которые неистово поддерживали команды. Игроки были одеты в обычную для заключенных одежду — полосатые пижамы и брюки. Поляки одержали победу со счетом 3:1, что вызвало ликование публики. По словам Р. Кошик, «победа сборной Польши была воспринята всеми поляками как шанс выиграть войну и вернуть себе свободу», так как подобные матчи «пробуждают дух патриотизма» [24]. На какое-то время подобные «международные» матчи в Аушвице были запрещены, однако затем возобновились. Известно, что в Аушвице I прошли по меньшей мере еще три подобных встречи: Польша — Германия, Польша — Франция и Польша Б — Вторая сборная капо.

Подробности последнего матча приводит Кевин Симпсон в своей монографии «Футбол под свастикой: Истории выживания и сопротивления во время Холокоста». Не позднее 1942 г. при помощи польского заключенного Кажимежа Альбина была создана «сборная Польши Б», которая в своем первом матче обыграла вторую команду немецких капо со счетом 7:0. Позднее Альбин вспоминал: «Худые и миниатюрные на фоне мощных и сытых соперников, мы доминировали в скорости и технике. Играть против них было все равно что играть с детьми, что

² Кевин Симпсон уточняет, что это был конец лета 1941 г.

вызывало громкий смех публики, в том числе немецких заключенных из числа лагерной администрации и эсэсовцев. Наши соперники реагировали на это яростно» [15, s. 51].

Валлийский солдат Рон Джонс, подробно описывая свою жизнь в лагере для военнопленных, также рассказывает о том, как проходили футбольные матчи в заключении. Несмотря на то что Джонс не содержался непосредственно в Аушвице, его воспоминания важны с точки зрения общего представления о том, что именно нацисты вкладывали в понятие отдыха заключенных и как организовывали их досуг. По словам Джонса, который был вратарем, футбольные игры проводились исключительно в летнее время, только по воскресеньям после обеденного перерыва и собирали много зрителей: «Там были толпы — и заключенные из разных лагерей, чей труд использовали как рабскую силу, и лагерная охрана, которая тоже приходила на нас посмотреть» [25]. Евреям присутствовать на играх не разрешалось. После одного из визитов представителей Международного Красного Креста в лагерь E715 британским военнопленным вручили комплекты футбольной формы — английской, валлийской, шотландской и ирландской, благодаря чему пленные солдаты и офицеры получили возможность формировать команды из соотечественников и играть против условной сборной другой страны.

Для тех заключенных, кто старался поддерживать физическую форму и интересовался спортом, футбол имел огромное значение. На протяжении нескольких часов узники могли не только забыть о своих проблемах, тяжелой жизни и морально разрядиться, но также почувствовать дух соперничества, ощутить свободу, отнятую у них нацизмом. Более того, спорт был «занятием, которое давало большую возможность для выживания: эмоционально привлекательное, с четкой целью и дающее эскапистам дистанцию от лагеря» [17, s. 81]. «Мы забывали обо всем и просто играли в футбол», — отмечал Рон Джонс [25]. «Для них [заключенных] за спортивным соревнованием стояло нечто гораздо более важное: то, что позволяло им вкушать иллюзорную месть и одержать воображаемую победу», — вспоминал польский врач, узник Лодзинского гетто, а также концлагерей Аушвиц и Гросс-Розен Арнольд Мостович [22, p. 185]. «Это было своего рода бегством от лагерных зверств, заменой нормальной жизни на свободе. Можно было на мгновение отвлечься от страшных ужасов, которые постоянно были у нас перед глазами. Наверное, это была своего рода психологическая терапия», — так описывал свое состояние поляк Мечислав Шимковяк [17, s. 82], испытывавший на себе ужасы Аушвица.

Все то, о чем говорил Джонс, было недоступно обычным заключенным аушвицкого лагерного комплекса. Основная масса узников в силу своего физического состояния была просто не в состоянии играть в футбол, многие им вовсе не интересовались, да и в обстановке постоянного голода предпочитали экономить силы. Однако известны случаи, когда футбол в прямом смысле спасал жизни.

В 1944 г. польский еврей Лео Гольдштейн вместе с сотнями других заключенных Аушвица шел в газовую камеру, однако в какой-то момент один из эсэсовцев по имени Отто спросил у узников, кто из них разбирается в футбольном судействе. Гольдштейн не имел большого представления о футболе, однако еще до войны прочитал «книгу футбольных правил», поэтому сказал, что вполне может быть арбитром. Отто, искавший судью, организовал матч между командой лагерной охраны Аушвица и другого концлагеря, и Гольдштейн с поставленной задачей справился. В итоге он отсудил еще несколько лагерных матчей, дожил до освобождения, а после окончания Второй мировой войны переехал в Нью-Йорк, где стал профессиональным футбольным арбитром. Он обслуживал игры Американской футбольной лиги в 1950–1960-х гг., а также привлекался на матчи чемпионата мира 1962 г. в качестве лайнсмена [5, с. 25; 27, р. 167–168; 29, р. 151–152].

Похожая история случилась с чехословацким евреем, уроженцем Братиславы Уильямом Шиком, который был депортирован в Аушвиц в 1941 г. До начала Второй мировой войны он играл в футбол в полупрофессиональной пражской команде, и именно футбольный опыт помог ему выжить в концлагере. Однажды в барак Шика пришел эсэсовец и сказал, что ему не хватает одного игрока. Шик оказался единственным, кто отозвался на эту просьбу. Остальные заключенные были отправлены в газовую камеру. Эсэсовцы набрали необходимое количество футболистов и провели матч между командами разных отделений Аушвица. Команда Шика победила. Позднее он вспоминал: «После того как мы выиграли этот матч, он [эсэсовец] дал каждому из членов нашей команды по шестидюймовому кусочку салами. Мы должны были быть осторожными с салами. Если съесть все это за один раз, можно было умереть. Наши желудки не привыкли к такой богатой еде» [21; 29, р. 142–143].

Улыбнулась удача и чешскому еврею Иржи Тауссигу, который до начала Второй мировой войны был вратарем молодежной сборной Чехословакии по футболу. Он был звездой в концлагере Терезиенштадт, и все команды хотели видеть его в своем составе. В 1944 г. его перевели в Аушвиц-Биркенау, где о нем уже ходили слухи как о хорошем голкипере. Эсэсовцы освободили Тауссига от тяжелой работы и перевели в блок, где заключенные играли под надзором СС. «Мое имя было хорошо известно, и когда им понадобился хороший голкипер, они нашли меня в лагере. Транспорты прибывали из Венгрии, а вместе с ними и некоторые футболисты. Они образовали две или три команды и играли друг против друга. Это была фактически обычная игра на траве и с воротами», — вспоминал Иржи Тауссиг [31]. В феврале 1944 г. Тауссиг принял участие в матче между членами СС и заключенными чешского семейного лагеря. Он сохранял свои ворота в неприкосновенности, однако понял, что «если хочет жить, нужно уступить» [29, р. 141]. Опасаясь последствий победы чешской команды, Тауссиг умышленно пропустил два гола и позволил эсэсовцам выиграть эту встречу.

Однако далеко не всем заключенным повезло так, как Гольдштейну, Шики и Тауссигу. В Аушвиц было депортировано несколько известных в межвоенный период футболистов, но они не имели возможности проявить себя на футбольном поле и побороться за жизнь в аушвицком аду. Многие из них были убиты сразу после прибытия в концлагерь. В этом плане примечательна история Юлиуса Хирша, немца еврейского происхождения, который большую часть своей карьеры провел в клубе «Карлсруэ», выиграл чемпионат Германии в 1910 г., забил четыре гола за сборную Германии в товарищеском матче накануне Олимпиады, а затем выступал на Олимпийских играх 1912 г. в Стокгольме. В начале марта 1943 г. он был депортирован в Аушвиц, где по прибытии подвергся селекции и, по-видимому, сразу был отправлен в газовую камеру [9, р. 172; 12, р. 27; 29, р. xx—xxi]. После войны немецкий суд объявил Хирша погибшим и установил дату смерти 8 мая 1945 г. [5, с. 33].

Не менее трагична судьба другого выдающегося футболиста 1920-х — начала 1930-х гг., звезды амстердамского «Аякса» нидерландского еврея Эдварда Хамела, который родился в Нью-Йорке, но позднее приехал в Нидерланды. В октябре 1942 г. он был арестован и депортирован в Аушвиц, где провел четыре месяца. Во время одной из проверок эсэсовцы обнаружили у Хамела абсцесс в ротовой полости, в связи с чем посчитали непригодным для работы и жизни. Он был умерщвлен в газовой камере 30 апреля 1943 г. [5, с. 41; 16, р. 47—55]. Играл ли Хамел в Аушвице в футбол, достоверно неизвестно. По предположению польского историка Ренаты Кошик, у него «не было даже шанса сыграть хотя бы один матч» [24].

Подобная участь постигла польских футболистов, игроков национальной сборной Мариана Эйнбахера, Адама Книолы и Антония Лыко, австрийского защитника Макса Шойера, бывших венгерских игроков и тренеров Арпада Вайса и Ференца Вайса. Все они были убиты в Аушвице.

Организовывая футбольные матчи в концлагерях, эсэсовцы со свойственной им немецкой педантичностью тщательно следили за внешним видом заключенных, выходящих на футбольное поле. Удивительно, но в большинстве случаев узники были обеспечены всем необходимым — и игровой формой, и бутсами, и прочей экипировкой. Немец Ойген Когон, всю войну проведенный в концлагере, вспоминал о том, что в Бухенвальде «большинство команд выступало в безупречной футбольной форме, в том числе в футбольных бутсах» [13, с. 152]. Такая же ситуация была в Аушвице и других немецких нацистских концлагерях. По словам Когона, все дело в невиданных масштабах коррупции [14, р. 129], в которой оказалась замешана практически вся лагерная охрана. Английский историк Лоуренс Рис посвятил коррупции в Аушвице отдельную главу в своей монографии [26, р. 174—223]. Он отмечал: «Тысячи нелегальных сделок заключались в Аушвице каждую неделю. В лагерь стекалось столько богатств, а контроль был настолько слабым и возникало столько возможностей что-то украсть, что трудно представить, чтобы кто-то из эсэсовцев не был замешан в этих преступлениях.

От рядового эсэсовца, который хотел новый радиоприемник, до офицера СС, который торговал украденными драгоценностями: коррупция в лагере была повальной» [26, р. 183]. В подобной обстановке тотального воровства и разложения достать футбольную форму не представляло труда. К тому же эсэсовцы стремились получить похвалу и одобрение вышестоящего начальства, нередко посещавших матчи заключенных, ведь в случае хорошей организации игры можно было как заработать повышение в звании, так и продвинуться по службе.

Пожалуй, самый известный футбольный матч в истории Аушвица состоялся в 1944 г. между эсэсовцами и членами зондеркоманды [28, р. 1–27]. Его свидетелем стал венгерский врач-патологоанатом Миклош Нисли, работавший помощником главного доктора Аушвица Йозефа Менгеле. Нисли был лечащим врачом зондеркоманды, поэтому знал и видел все, что происходило с этими людьми. Однажды он присутствовал на футбольном матче между членами СС и зондеркомандой, о чем позднее написал в своих воспоминаниях.

«Ужинать было еще слишком рано. Зондеркоманда принесла футбольный мяч. Команды выстроились на поле. «СС против СК (Sonderkommando. — С. Х.)». На одной стороне поля — эсэсовцы, охранявшие крематорий, на другой — зондеркоманда. Они ввели мяч в игру. Звонкий смех заполнил двор. Зрители пришли в восторг и подбадривали игроков криками, как будто это было игровое поле какого-нибудь мирного городка. В каком-то ступоре я отметил и это. Не дожидаясь окончания матча, я вернулся в свою комнату. После ужина я проглотил две таблетки снотворного по десять сантиграммов и заснул. Сон был крайне необходим, потому что я чувствовал, что мои нервы натянуты до предела», — писал доктор Нисли [23, р. 68].

За этим, казалось бы, банальным описанием футбольного матча, даже при условии того, что он был сыгран в концлагере, стоит нечто большее, чем простое свидетельство очевидца. Первым на это обратил внимание итальянский писатель Примо Леви, находившийся в заключении в Аушвице в 1944–1945 гг. Его поразили сам факт того, что подобный матч мог состояться. В своей работе «Канувшие и спасенные» Леви писал: «Ничего подобного не случалось, да и не могло случиться с другими категориями заключенных, но с членами зондеркоманды, с “воронами крематория” эсэсовцы готовы были соревноваться на равных или почти на равных... Вы больше не евреи, не антираса, не враг Тысячелетнего рейха номер один, не народ, отказавшийся сотворить себе кумиров. Мы обласкали вас, развратили и утащили с собой на дно. Не воображайте, что вы чисты; вы запачканы кровью, как мы, как Каин, потому что вы тоже братоубийцы. Так что идите сюда, будем вместе играть в футбол» [4, с. 44]. Леви считал, что в концлагере априори невозможно соревнование, так как изначально нарушен его главный принцип — равенство возможностей. Следовательно, в этом мире тотального унижения, подчинения и «принудительного уравнивания в низости» [4, с. 182] проведение футбольного матча выглядит не просто алогично, но даже абсурдно. Однако мир концлагеря — это мир пара-

докса и ненормальности, где было возможно все, в том числе «уникальные онтологические отношения, сложившиеся между эсэсовцами и членами зондеркоманды» [32, р. 46].

Матч, описанный доктором Нисли, вызвал повышенный интерес и стал поводом для рефлексии у философов, которые пытались понять накопленный заключенными концлагерей опыт и переосмыслить его. Одним из таких мыслителей стал итальянец Джорджо Агамбен, который в своей работе «Homo sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель» назвал матч между эсэсовцами и членами зондеркоманды «настоящим ужасом концлагеря». По мнению Агамбена, сама по себе игра в футбол является «моментом нормальности», но в условиях концлагеря приобретает совершенно иной смысл. Он пишет: «Этот матч так и не закончился и, кажется, продолжается и в этот момент. Этот матч — совершенный и вечный символ “серой зоны”, которая не подвластна времени и находится везде... Но это и наш стыд, стыд людей, которые не познали концлагерь и которые тем не менее присутствуют, сами не зная как, на этом матче, который повторяется в каждом матче наших стадионов, в каждой телевизионной трансляции, в каждой ежедневной нормальности. Если мы не сможем понять этот матч и прекратить его, у нас не будет надежды» [1, с. 25 — 26].

Историк Вероника Спрингманн идет еще дальше и, пользуясь терминологией Агамбена, отмечает, что матч эсэсовцев и членов аушвицкой зондеркоманды был «профанацией» [30, р. 186 — 187]. В своем труде «Профанации» Агамбен объясняет связь между игрой и ритуалом. По его мнению, игры, «произошедшие от древних сакральных церемоний» [2, с. 81], таковыми являются и по сей день, однако игра может выполнять функцию профанации. В то же время игра может «работать как профанация», которая «дезактивирует диспозитивы власти и возвращает в общее пользование пространства, которые раньше были властью конфискованы» [2, с. 83]. Эту мысль ярче всего иллюстрирует аппельплац, который был местом, где не только проводились переклички заключенных, но и игрались футбольные матчи.

Аушвиц был далеко не единственным немецким нацистским концлагерем и лагерем смерти, где заключенные играли в футбол. В Бухенвальде эсэсовцы организовали некое подобие внутреннего чемпионата из двенадцати команд, включая одну еврейскую, которая позднее была упразднена [13, s. 152]. В Терезиенштадте была собственная футбольная лига, в которой за три года приняли участие более 30 команд. Команды — по семь человек в каждой: вратарь, два защитника, опорный полузащитник и три нападающих [31] — собирались не только по этническому, но и по социальному принципу: электрики играли против садовников, повара против мясников, работники склада одежды против охранников гетто. Матчи проходили еженедельно в казарменном дворе [6, р. 534; 7, р. 202]. Большой популярностью футбол пользовался и в концлагере Гросс-Розен, где к весне 1944 г. существовало несколько команд, объединявших более ста игроков [15, s. 50 — 53]. В том или ином виде футбол существовал в абсолютном большинстве немецких нацистских концлагерей и лагерей смерти.

Футбол, как и спорт в целом, был важен для заключенных еще и по экономической причине. Те, кому лагерная охрана разрешала играть в футбол, не только демонстрировали принадлежность к привилегированной части узников, но и таким образом доказывали свою «работоспособность», то есть «показывали, что они продуктивны в рамках нацистской идеологии» [30, р. 188 – 189]. Это было особенно важно в связи с изменившейся ролью труда, все больше ориентированного на нужды военной экономики. В этом плане спорт, и футбол в частности, в условиях концлагеря носил амбивалентный характер. С одной стороны, игра стирала границы между заключенными и эсэсовцами, так как на футбольном поле заведомо все равны. С другой — узники-спортсмены заняли особое место среди заключенных и действовали в строгом соответствии с новоустановленной иерархией. Вероника Спрингманн объясняет это так: «Спорт создал новые границы внутри лагерного сообщества. Привилегированные заключенные-спортсмены показали в действии идеал тела и работы в рамках национал-социализма. В то же время они продемонстрировали свой культурный суверенитет, следуя собственным правилам и создавая собственное сообщество спортсменов внутри сообщества лагерного. Более того, они придали лагерному пространству — аппельплацу — другое значение, символически превратив его из места пыток и смерти в место игр» [30, р. 189].

Подведем итоги. Изучение футбола как спортивной игры в Аушвице с 1940 по 1945 г. позволяет глубже понять не только сам феномен спорта как формы человеческой активности, но и его роль в условиях крайне жестоких и бесчеловечных обстоятельств. Футбол, несмотря на все ограничения и ужас, связанные с существованием концлагеря, стал для заключенных неким символом сопротивления, стремления к нормальности и сохранению человеческого достоинства. Игра в футбол предоставляла заключенным Аушвица возможность временно отвлечься от повседневных страданий и жестокостей, с которыми они сталкивались. Она служила своего рода убежищем — пространством, где они могли почувствовать себя более свободными, частью сообщества, которое сохраняло человечность, несмотря на все окружающие их ужасы. Более того, футбол стал важным социальным феноменом, способствующим укреплению связей между узниками, позволяя поддерживать дух товарищества и солидарности в условиях, где подавление индивидуальности и идентичности было систематичным.

При этом важно помнить, что даже в таких обстоятельствах спорт не был свободен от манипуляций со стороны нацистского режима. Проведение футбольных матчей в качестве инструмента пропаганды подчеркивает: спорт может быть использован как средство для достижения политических целей, что создает двойственное восприятие этого занятия. Футбол, таким образом, становился не только актом сопротивления, но и ареной, на которой разворачивались трагические парадоксы власти и контроля.

Список литературы

1. Агамбен Д. Homo sacer. Что останется после Освенцима: архив и свидетель. М., 2012.
2. Агамбен Д. Профанации. М., 2014.
3. Аристов С.В. Повседневная жизнь нацистских концентрационных лагерей. М., 2017.
4. Леви П. Канувшие и спасенные / пер. с итал. Е.Б. Дмитриевой. М., 2010.
5. Футбол. Война. Холокост: документы, свидетельства, фотографии / под ред. И.А. Альтмана, А.Е. Гербер. М., 2024.
6. Adler H. Theresienstadt, 1941–1945: the Face of a Coerced Community. N. Y., 2017.
7. Bar-On T. The World through Soccer: The Cultural Impact of a Global Sport. Lanham, 2014.
8. Borowski T. This way for the gas, ladies and gentlemen. Harmondsworth ; N. Y., 1976.
9. Brunssen P., Schuler-Springorum S. Football and Discrimination: Antisemitism and Beyond. Abingdon ; N. Y., 2021.
10. Caple J. Football in the shadow of Auschwitz-Birkenau // These Football Times. URL: <https://thesefootballtimes.co/2020/01/27/football-in-the-shadow-of-auschwitz-birkenau/> (дата обращения: 23.10.2024).
11. Feindt G. Camps Producing Identity and Memory // Sport Under Unexpected Circumstances: Violence, Discipline, and Leisure in Penal and Internment Camps / ed. by G. Feindt, A. Hillbrenner, D. Dahlmann. Göttingen, 2018. P. 193–198.
12. Football Players in Focus. Educational Materials on Sports, Persecution, and Remembrance. Bad Arolsen, 2021.
13. Kogon E. Der SS-Staat: Das System der deutschen Konzentrationslager. München, 1988.
14. Kogon E. The Theory and Practice of Hell: The German Concentration Camps and the System Behind Them. N. Y., 2006.
15. Krajewski A. Piłkarskie mecze w Auschwitz. Sport był jedyną nadzieją na zbawienie // Polityka. 2013. №22 (2909). S. 50–53.
16. Kuper S. Ajax, the Dutch, the War: The Strange Tale of Soccer During Europe's Darkest Hour. N. Y., 2012.
17. Kurz I. Mecze i gry oświęcimskie. Piłka nożna w KL Auschwitz-Birkenau // Konteksty: polska sztuka ludowa: antropologia kultury, etnografia, sztuka. 2012. T. 66, №3-4 (298-299). S. 79–84.
18. Langbein H. People in Auschwitz. Chapel Hill, 2004.
19. Mangan J. Sport in Europe: Politics, Class, Gender. L. ; Portland, 1999.
20. Megargee G. (ed.) The United States Holocaust Memorial Museum Encyclopedia of Camps and Ghettos, 1933–1945. Vol. 1 : Early Camps, Youth Camps, and Concentration Camps and Subcamps Under the SS-Business Administration Main Office (WVHA). Bloomington, 2009.
21. Moore D. William Schick survived Auschwitz // Don Moore's War Tales. URL: <https://donmoorewartales.com/2013/01/25/william-schick-auschwitz/> (дата обращения: 24.10.2024).
22. Mostowicz A. With a Yellow Star and a Red Cross: A Doctor in the Lodz Ghetto. L. ; Portland, 2005.
23. Nyiszli M. Auschwitz. A Doctor's Eyewitness Account. N. Y., 1993.
24. On Auschwitz Podcast. Sport and sportspeople in Auschwitz // Spotify.com. URL: <https://open.spotify.com/episode/0M7QkjSuS0oeuDso4R0Nzm> (дата обращения: 23.10.2024).

25. Oral history interview with Ron WG Jones // United States Holocaust Memorial Museum Archives. Accession Number: 2012.448.1. RG Number: RG-50.030.0709.
26. Rees L. Auschwitz: The Nazis & the 'Final Solution'. L., 2005.
27. Risolo D. Soccer Stories: Anecdotes, Oddities, Lore, and Amazing Feats. Lincoln, 2010.
28. Sanyal D. A Soccer Match in Auschwitz: Passing Culpability in Holocaust Criticism // Representations. 2002. Vol. 79, №1. P. 1–27.
29. Simpson K. Soccer Under the Swastika: Stories of Survival and Resistance During the Holocaust. Lanham, 2016.
30. Springmann V. "He liked us, because we were good athletes, good workers" – Productive Bodies in Nazi Concentration Camps // Sport Under Unexpected Circumstances: Violence, Discipline, and Leisure in Penal and Internment Camps / ed. by G. Feindt, A. Hillbrenner, D. Dahlmann. Göttingen, 2018. P. 175–189.
31. Talshir U. Holocaust Remembrance Day / Profile: The Goalkeeper of Theresienstadt // Haaretz. URL: <https://www.haaretz.com/1.5101094> (дата обращения: 24.10.2024).
32. Turda M. The Ambiguous Victim: Miklós Nyiszli's Narrative of Medical Experimentation in Auschwitz-Birkenau // Historein. 2014. Vol. 14, №1. P. 43–58. doi: 10.12681/historein.232.
33. Wachsmann N. KL: A History of the Nazi Concentration Camps. N. Y., 2015.
34. Winter W. Winter Time: Memoirs of a German Sinto Who Survived Auschwitz. Hatfield, 2004.
35. Zeznanie Bertolda Epsteina z dnia 18 grudnia 1946 roku // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/99. S. 30–43.
36. Zeznanie Ludwika Basa z dnia 28 sierpnia 1947 roku // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/138. S. 280–284.
37. Zeznanie Stanisława Koreckiego z dnia 30 września 1947 roku // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/144. S. 318–320.

Об авторе

Сергей Сергеевич Ходячих — канд. ист. наук, ФК «Динамо-Москва», Москва, Россия.

E-mail: hodyachih@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8823-886X

S. S. Khodyachikh

**"BEHIND MY BACK, BETWEEN ONE CORNER KICK AND THE NEXT,
THEY HAD GASSED THREE THOUSAND PEOPLE": FOOTBALL
IN THE AUSCHWITZ CONCENTRATION CAMP**

FC Dynamo Moscow JSC, Moscow, Russia

Received 24 October 2024

Accepted 20 February 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-2-4

To cite this article: Khodyachikh S.S. 2025, "Behind my back, between one corner kick and the next, they had gassed three thousand people": football in the Auschwitz concentration camp, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №2. P. 45–60. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-2-4.

The article analyzes the phenomenon of football in the German Nazi concentration camp Auschwitz between 1940 and 1945. Auschwitz was by no means the only concentration camp where football matches and even entire tournaments were held – other camps such as Buchenwald, Theresienstadt, and Gross-Rosen had their own championships. The duality of the concept of "sport" as interpreted by the camp administration is examined: for the Nazis, sport included not only competitions but also physical abuse of prisoners, which some researchers refer to as "quasi-sport." The testimonies of surviving prisoners about football matches organized by the SS in Auschwitz are cited, including a detailed analysis of the most well-known game played in 1944 between the Nazis and members of the Sonderkommando. This article attempts to explore various aspects of football in Auschwitz based on sources of personal origin, aiming to uncover as much evidence as possible about football matches held in the concentration camp, as well as to reconstruct the names of their participants. The study of such a topic as football in Auschwitz confirms that even under the most extreme conditions – when life stood on the brink of annihilation – there existed a drive for self-expression and the preservation of human nature. For the prisoners, football held symbolic meaning – it was not only an attempt to escape from the brutal reality but also a kind of refuge, a space where they could, even if only briefly, feel free.

Keywords: Auschwitz concentration camp, prisoners, Nazism, football, history of sports, history of Germany, history of Poland, World War II

The author

Dr Sergey S. Khodyachikh, FC Dynamo Moscow JSC, Moscow, Russia.

E-mail: hodyachih@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8823-886X